

Сказаніе о Галлиполійскомъ сидѣніи

М. Критскій

Посвящено
Александру
Кутепову

1922

Типогр. газ. „Русское Дѣло“, Бѣлградъ.

ругъ на друга возстали народы, и хлынула кровь. Просочила всю землю, насытила хляби морскія, а съ кровью живою проникло повсюду и то, что было чудеснаго въ ней — Божье Дыханье и Сила Земная.

Забродила по бѣлому свѣту багряная кровь и вызвала голосомъ вѣщимъ изъ бездны и съ неба всѣ грозныя силы. Переплелось на землѣ все обычное съ тайнымъ, свѣтлое съ темнымъ, и только слѣпые не видятъ чудесъ и не вѣрятъ сказаньямъ текущихъ временъ.

аклубились туманы отъ моря до моря, окутали мглой необъятную Русь, отравляли неистовствомъ кровь и дыханіе. Къ тучамъ взметнулся огненный вихрь, закрутился по селамъ, станицамъ, по всѣмъ городамъ и деревнямъ.

Сказаніе о Галлиполійскомъ Сидѣніи.

Полыхало свинцовое небо отъ зарева, люди метались въ безуміи...

И стало средь смраднаго полымя дѣлаться страшное дѣло: клятву и вѣрность смѣнила измѣна; праведный судъ обратился въ застѣнокъ; вѣра отцовъ была попрана, — разбойничій посвистъ пронизывалъ мракъ.

А началъ въ себя приходить отъ угара народъ, — было ужъ поздно. Изъ бездны тлетворной Красный невиданный Змій охватилъ обагренную Русскую Землю, сжалъ ее замертво въ кольцахъ кровавыхъ, себѣ же свилъ логово въ царскихъ палатахъ, среди древнихъ Святынь, въ святой колыбели Руси.

Славное Царство погибло...

И замерла въ смертной тоскѣ подъ неслыханнымъ игомъ вся Русь. Веселье и радость угасли въ народѣ, соки живые изсякли въ спаленной землѣ, и на бранныхъ поляхъ, опустѣвшихъ, не двигались твердою поступью ратныя силы, и не колыхались парчою побѣдные стяги, гдѣ плещется золотомъ вытканый Воинъ на бѣломъ вздыбленномъ конѣ надъ пронзеннымъ Дракономъ...

Лежало поверженнымъ Русское Войско...

Немного въ немъ воиновъ славныхъ осталось. Но свѣтлые духомъ — они, прикоснувшись

земли, какъ витязи встарь, набирался силой земной. Вожди, подымаясь, скликали всѣхъ вѣрныхъ сыновъ становиться подъ Бѣлое Знамя за отчую честь и спасенье Отчизны.

Дважды вставала Дружина всѣхъ вѣрныхъ сыновъ, дважды вступала въ боренье со Зміемъ.

И потому-ль, что она не нашла Меча — кладенца, иль потому, что въ Книгѣ Судебъ Божій Перстъ еще не коснулся до свѣтлаго свитка страдальца народа, но не хватило у воиновъ силы въ неравномъ бою. Не развернулись побѣдные стяги Вождей у сѣдого Кремля, не омылись священныя стѣны горячею кровью Дружины.

Повержена снова Дружина ..

Очнулась уже на чужой сторонѣ у Заклятаго Моря въ Диковинномъ Царствѣ, въ невѣдомомъ всѣмъ государствѣ. То море враждебною силою было заклято давно — его воды, какъ кладъ заколдованный, въ руки Руси никогда не давались. Земля же была подъ Турецкимъ Султаномъ, по грамотамъ новымъ въ даръ отдана Грекамъ, но странное дѣло: на башняхъ султанскихъ не Синее Знамя съ Крестомъ замѣнило Звѣзду съ Полумѣсяцемъ, а Гальскій Пѣтухъ на знаменномъ древкѣ распѣвалъ во всю мочь. Всѣ входы и выходы въ этой

странѣ сторожили арапы Царей Эфіопскихъ.

Рядомъ съ Дружиною въ страхѣ стояли и горькими слезами плакали вѣрныя жены съ дѣтьми, раздѣлившія жуткую участь мужей...

Недавно совсѣмъ короли и народы гнали въ далекую Русь гонца за гонцомъ съ мольбою помочь имъ отбиться отъ грозныхъ враговъ, и русскіе воины билися въ сѣчахъ жестокихъ. А въ битвахъ со Зміемъ, что смраднымъ дыханьемъ уже обдавалъ всѣ сосѣднія царства, Дружина сама добровольно спасала народы отъ ярости Чудища. Нынѣ же къ русскимъ бойцамъ, изнемогшимъ, на помощь никто не спѣшилъ. Истекавшая кровью и въ ранахъ Дружина Храбрѣйшихъ была никому не нужна. Всѣ повѣрили въ крѣпкую силу захватчика славнаго Царства, старались теперь съ побѣдителемъ въ дружбу войти.

Полумертвой лежала Дружина въ пустынной долинѣ подъ небомъ нависшимъ. Долиною Смерти прозвали то мѣсто. Здѣсь въ битвѣ народовъ и царствъ гордые Бритты погибли, и нынѣ изъ трещинъ земли выползали на солнце всѣ гады земные. А ночью вокругъ собирались шакалы. Въ тиши напряженной надрывчато выли и ждали, чтобъ

броситься рвать бездыханное тѣло Дружины. Вой разносился въ окрестныхъ горахъ, катился за море по странамъ, и многіе слушали жадно тотъ вой, ждали то-же послѣднихъ минутъ умирающей Русской Дружины.

Пока же, какъ узнику въ тяжкихъ оковахъ, ей скудную пищу кидали.

Только къ измученнымъ женамъ и дѣтямъ, одна во всемъ мірѣ любовно, рука протянулась — ихъ грѣла, кормила. Матери дѣтямъ своимъ говорили: къ намъ помощь пришла изъ далекой, далекой страны, куда солнышко прячется на ночь. Живетъ тамъ великій свободный народъ. Онъ выстроилъ бѣлый хрустальный дворецъ, въ немъ яркія звѣзды, что съ неба скатились, хранятся... И дѣти подолгу смотрѣли на звѣзды.

роходили холодные дни, приближалась весна, вой голодныхъ шакаловъ сталъ тише и смолкъ.

Нѣтъ Русской Дружины, она умерла — воскликнули въ радости бывшіе други и

недруги — нечего больше считаться съ погибшей — и стали дѣлить всѣ ея корабли съ послѣдней казною на нихъ.

А тутъ и случилося — чудное чудо. Въ Долинѣ, пропитанной ядомъ, Дружина съ земли поднялась невредимой — коса Смерти разбилась о русскій гранитный осколокъ.

Была отъ Дружины далеко родная земля, зато близхо родныя знамена — въ нихъ трепетала вся благодатная, сила извѣчная, Матери Родины. И русскіе воины, что бились по зову народовъ, что смѣло боролись со Зміемъ, тѣ воины снова поднялись, сплотились въ родные полки. Глухо звучала въ Долинѣ заржавлена сталь боевая, но смертоноснѣй огней истребительныхъ было оружіе это—осталось послѣдней защитой достоинства храбрыхъ.

Въ рукахъ у Давида страшна и праща.

Умирать не хотѣла Дружина... Литыми рядами, подъ звуки сверкающихъ трубъ, шагомъ размѣрнымъ и твердымъ шелъ полкъ за полкомъ по Долинѣ, что Смертью дышала. Передъ Вождемъ склонилися бѣлые стяги, и стала Дружина, на мечъ опершись.

Молчаливымъ укоромъ стояла предъ міромъ. Будила въ немъ то, что ни смѣрить, ни взвѣсить

нельзя. Воскреснувъ сама — Дружина ждала Воскресенья Руси.

И кому стало жутко, кто устрашился грядущей расплаты, тотъ скинулъ личину участья и началъ бросать камень за камнемъ въ Предтечу.

Такъ было всегда и во всѣ времена. Только потомки — изъ брошенныхъ камней въ Пророковъ — алтари Небесамъ воздвигаютъ...

Комья грязи сначала летѣли. Какъ змѣи изъ темныхъ расщелинъ ползли клеветы. На доспѣхахъ Вождей — лицемѣры — лишь пятна считали; забыли ту руку съ подъятымъ мечемъ, за которымъ недавно спокойно, какъ трутни, сидѣли, а то разлетались по странамъ заморскимъ.

Воины видѣли это, и не тускнѣли отъ брошенной грязи доспѣхи суровыхъ Вождей.

Въ полки тогда бросили щедрой рукой ядовитое сѣмя раздора. Смутой пытались разстроить ряды. — Дружина со Знаменемъ Бѣлымъ съ Отчизны оковъ не собьетъ, то говорятъ и кудесники ваши. Отнынѣ, не воины вы. Не слушать велѣній Вождя, мой только окрикъ законъ непреложный для васъ. — Такъ Гальскій Пѣтухъ надрывался на башняхъ султанскихъ.

Какъ громъ въ облакахъ покатилися клики — Дружина на

щитъ подняла своего Полководца.

Видно хлопаньемъ крыльевъ и крикомъ безсиленъ и Гальскій Пѣтухъ заглушить клекотъ орлиный.

Взять порѣшили Дружину изморомъ и ложью. Уменьшили скудную пищу, грозились совсѣмъ заморить. Голодную стали прельщать изобильной и сытной страной. Тамъ будто молочныя рѣки текутъ, кисельные тамъ берега, а жители ждутъ не дождутся гостей дорогихъ.

Немного нашлось маловѣрныхъ, поплывшихъ отъ русскихъ знаменъ въ тридесятое царство. Они не доплыли до мѣста желаннаго, ихъ по дорогѣ ссадили среди моря на островъ и отдали всѣхъ въ кабалу. Медовыя страны свой медъ берегли для себя, никто и не думалъ къ себѣ зазывать.

А вѣрные воины только смѣялись на зовъ — ѣхать куда-то хлебать киселя — да затянули потуже ремни поясные.

Не удалось отдать въ рабство Дружину, манить тогда стали родною землею, зовущей къ себѣ.

Зазвенѣли на зовъ струны сердца Дружины, но поняли воины быстро, что звалъ ихъ не голосъ родной. Только тѣ, что натянуты были чрезмѣрной тоскою,

порвались. Поѣхали къ Змію, повѣривъ, что будто насытился Звѣрь до отвала, но не сбылася надежда — немного осталось въ живыхъ, приспѣшники Змія казнили ихъ лютою казнью.

Узнала объ этомъ Дружина, и тяжкія думы легли на чело — на воиновъ въ честномъ бою нападаютъ съ открытымъ забраломъ, а насъ предаютъ палачамъ подъ личиною друга, руки свои умывая предъ міромъ. И кто же тотъ ворогъ предатель...

несла всѣ удары Дружина, тѣснѣе и крѣпче сплотились ряды. Точно лукъ, тетивой напряженный, ждалъ воинъ призыва Отчизны. Кабы взвиться стрѣлою къ курганамъ родимымъ!

— Въ Книгѣ Судебъ дочитаетъ Всевышній листы о страданьяхъ недужной Руси, и воспрянетъ народъ, и, какъ дымъ, разлетится его навожденіе — въ это вѣрила крѣпко Дружина и знала, что будутъ нужны ея силы Родимой.

На чужой сторонѣ она помнила гулы литые Москвы Златоглавой, въ звонѣ призывномъ ей слышался голосъ тревожный князей-собирателей Русской Земли.

Еще увезли съ собой воины съ Родины кладъ, драгоцѣннѣй камней самоцвѣтныхъ, то воду живую Дружина въ истокахъ родныхъ зачерпнула. Къ нимъ припадала, прощаясь.

И — пока недруги злые держали совѣтъ, какъ бы Дружину въ конецъ извести, тутъ и случилося — новое дивное диво. Въ пустынной Долинѣ, средь брошенныхъ камней, подъ солнцемъ палящимъ, живая вода, что была у Дружины, забила ключемъ живоносным ъ.

Полилися по чуждымъ холмамъ и долинамъ родные напѣвы, и вздрогнуло сердце до боли... Почуялся запахъ истомный медвяныхъ луговъ заливныхъ, переливчатый бѣгъ золотистой волны по хлѣбамъ, тишина величавая въ устланномъ мохомъ бору вѣковомъ. А съ громкою пѣсней побѣдной проснулася ратная удаль, поникшая гордость и честь...

Въ пещерахъ, лачугахъ, шатрахъ и повсюду, гдѣ воинъ ютился, хранили старинный завѣтъ — путниковъ къ вамъ заходящихъ, какъ посланныхъ Бо-

гомъ встрѣчайте — и къ воинамъ странникъ забредшій братскій пріютъ находилъ...

Подъ небомъ открытымъ, какъ въ древней Элладѣ, учениковъ собирали ученые мужи и мудрые съ ними вели разговоры. Движенье по небу свѣтилъ объяснялъ звѣздочетъ; читалися длинные свитки преданій, былинъ; толковались творенья Отцовъ...

У крѣпости древней и стѣнъ вѣковыхъ, гдѣ на стражѣ когда-то стоялъ янычаръ, охраняя отъ рыцарей входъ въ полоненный Царьградъ, теперь вдохновеннымъ искусствомъ здѣсь Русь оживала. И точно вся въ чарахъ турецкая крѣпость подъ пологомъ звѣзднымъ нѣмѣла, безмолвно смотрѣли, застывъ, кипарисы, и подъ стѣнами о скалы чуть слышно плескался прибой...

Какъ нѣкогда Русь благолѣпіемъ чина церковнаго Грековъ при выборѣ вѣры душой умилилась, такъ нынѣ дивилась сама Византійская Церковь священнымъ напѣвамъ Руси. А утварь и ризы, въ убогой пустынѣ богатыя только любовью и вѣрою, трогали душу смиреньемъ своимъ...

Чтобъ не сравнялись родныя могилы съ чужою землею, и вѣчная память жила о страдальцахъ, умершихъ въ неволѣ, имъ—

каждый воинъ родною рукой принесъ камень надгробный. И на турецкой землѣ выросъ каменный холмъ съ бѣлоснѣжнымъ Крестомъ наверху...

Такъ пробивались ключи живоносной воды, завезенной изъ Русской Земли на чужбину. И точно роднѣй становилась у чуждаго моря чужая земля.

Турокъ степенный при встрѣчѣ прикладывалъ руку ко лбу, или, прижавъ свои пальцы другъ къ другу, показывалъ знакомъ нагляднымъ, какъ русскій и турокъ близки. Привѣтливо кланялся грекъ, даже черный арапъ оказался не страшнымъ Все чаще въ рѣчи непонятныхъ языковъ звучали родныя слова.

И вскорѣ повсюду молва покатилась — Дружина заклятье снимаетъ съ Заклятаго Моря и Царства...

Вотъ видно тогда-то придумали недруги мѣткій послѣдній ударъ — ударъ по горящему сердцу Дружины.

На брошенномъ камнѣ написано было: Дружинѣ со Знаменемъ Бѣлымъ заказаны путь и дорога повсюду. Изъ Царства Заклятаго воинамъ выбраться только возможно тропою окольной отъ русскихъ знаменъ. И жребія нѣтъ вамъ иного — безславно для честныхъ бойцовъ захребетникомъ быть, намъ золота стоитъ

вашъ хлѣбъ и вода. — Вотъ надпись какую на брошенномъ камнѣ прочли.

Тѣхъ, кто выковалъ въ сердцѣ своемъ — за отчую честь и спасенье Отчизны — тѣхъ упрекнули въ безчестіи, злато избравши мѣриломъ для чести.

Русскіе люди слыхали, что хлѣбъ на чужбинѣ не сладокъ, хлѣбъ горше полынной травы оказался.

Не поняли въ мірѣ народы горящаго сердца Дружины. Не златомъ оцѣнитъ Отчизна страданья и вѣрность сыновъ. А станетъ великой, обильной, какъ прежде, и хватитъ съ лихвою у русской казны заплатить за упавшія воинамъ крохи съ побѣднаго пира народовъ. Должно быть, за кубкомъ ликуя, народы забыли, чѣмъ Русь заплатила за вѣрность и дружбу свою...

Расчитанъ былъ мѣтко ударъ, стиснула мечъ свой отъ боли Дружина.— Ѣхать и снова бороться со Зміемъ — нѣтъ кораблей и казны; бросить знамена и воду живую разлить — чести и силы лишиться навѣкъ; сиднемъ сидѣть у Заклятаго Моря — въ безславіи дни доживать.— Какъ богатырь на распутьѣ предъ камнемъ зловѣщимъ, стояла въ раздумьѣ Дружина.

И путь, наконецъ, настоящій, прямой отыскала она — то путь

на Славянскія страны — завѣтный.

Тамъ русская кровь напоила собою всю землю и вызвала къ жизни свободной Славянъ угнетенныхъ. Тамъ видѣли дѣды спасеніе края родного, тамъ ждутъ Воскресенья Великой Руси.

И русскіе воины сердцемъ горящимъ туда устремились...

— Воскреснетъ Отчизна, окончатся распри Славянъ, и воедино сольются могучей семьею Славянскіе Братья и Матушка Русь!

риблизился часъ трубача. Пропѣла труба — собирайтесь въ походъ ..

Ушли...

И сразу въ Диковинномъ Царствѣ вся жизнь потускнѣла, померкла. Турки, арапы и греки остались съ сомнѣніи, было ли явью иль сномъ, что видѣли здѣсь у Заклятаго Моря.

Арапы подъ пальмой въ странѣ Эфіоповъ разсказывать будутъ о воинахъ бѣлыхъ, приплывшихъ изъ дальней и полной чудесъ

стороны. Тамъ долго земля и деревья подъ бѣлымъ пушистымъ покровомъ, а чистыя воды тверды и блестятъ, какъ алмазъ. Туда лебединая стая весною на гнѣзда летитъ. Тамъ лѣтнія ночи, какъ раннее утро свѣтлы, и тамъ по раздольнымъ степямъ среди мудрыхъ кургановъ-могилъ сѣдиной серебрится трава...

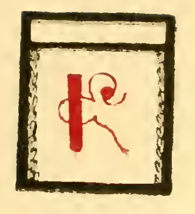

Шехеразада разскажетъ Калифу чудесную новую сказку про воиновъ долга и чести, про подвиги ихъ и страданья. Будетъ слушать Калифъ, удивляться, а жены вздыхать потихоньку, къ чему ихъ скрывала чадра...

Въ прекрасную Родину Гальскій Пѣтухъ прилетитъ. Озираясь все время тревожно, не вьется ли Черный Орелъ и не стелится-ль хищная тѣнь отъ него, станетъ жадно смотрѣть на Востокъ, не расправилъ ли крылья могучій защитникъ Двуглавый Орелъ, не пора ли, какъ прежде, привѣтствовать пѣньемъ паренье его...

И тотъ, у кого были звѣзды мѣриломъ для счета, къ себѣ уплыветъ за Великое Море, гдѣ высится Бѣлый Дворецъ. Въ странѣ той разсыпаны звѣзды на стягахъ, какъ яркія знаменья Неба. А дѣти Дружины въ снахъ видятъ, какъ свѣтлыми струйками падаютъ звѣздочки людямъ, что помнятъ о Небѣ...

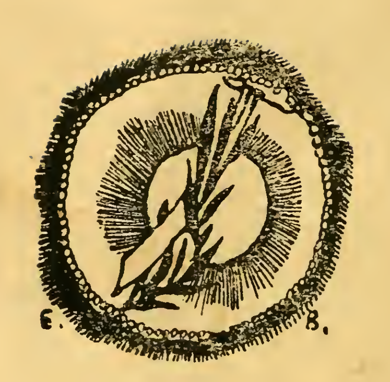
анутъ въ вѣчность вѣка, и погибнутъ народы... Появятся новыя царства, языки... О прошломъ останется мало слѣдовъ, но сказки и были минувшихъ столѣтій жить будутъ помимо ученыхъ...

И сказанья текущихъ временъ — о Вѣрной Дружинѣ со Знаменемъ Бѣлымъ—будутъ разсказывать прадѣды внукамъ и правнукамъ долго и долго.

Галлиполи.
1921 г.

Сказаніе о Галлиполійскомъ Сидѣніи.

E.
B.